

Сергей Платонов

ПОХОЖЕ НА ЛЮБОВЬ

18+

Сергей Платонов

Похоже на любовь

<https://litres.ru/58654811>

SelfPub; 2026

Аннотация

Герои включенных в сборник рассказов - люди вполне удовлетворенные жизнью. Но каждый из них - и молодая учительница, и Водитель, и начинающая парашютистка, и известный художник, в какой-то момент испытывают страстное желание вырваться из колеи. В оформлении обложки использована иллюстрация автора.

Содержание

ДУЭЛЯНТ	4
УРОК МИЛОСЕРДИЯ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Похоже на любовь

ДУЭЛЯНТ

Представляете, в конце марта, когда вся природа начала отогреваться на весеннем солнышке, и даже воробьи стали с интересом поглядывать друг на друга, я осталась одна. Не то, чтобы меня бросили все друзья, но один человек все же оставил – наедине с несбывшимися надеждами, разрушенными иллюзиями, кучами грязного песка вместо замков и прочим, что обычно остается вместе с горьким вкусом прощального поцелуя. Ужасно было то, что произошло это за пару недель до дня рождения моей подруги, на которое я была приглашена «не одна», и куда придти одной означало вызвать бабское сочувствие других, которое хуже ножа под ребра (если бы я знала, что это такое!), и не менее неприятные двусмысленные комплименты свободных мужиков. Чтобы занять себя и развеяться, я записалась в парашютный клуб. И именно там познакомилась с Григорием. Хотя имя я узнала совсем не сразу.

Он приезжал в клуб на новом «Форд-мондео», что позволяло подозревать в его немного неуклюжей фигуре человека не слишком бедного, но при этом достаточно консервативного. Именно такого, который был так чертовски нужен мне, поскольку только такой человек мог обеспечить мне возмож-

ность облегчить душу в магазинах, и смотрел бы при этом на меня понимающим и немного насмешливым взглядом, не пытаясь залезть так глубоко, чтобы испытать неприятное удивление или просто разочарование. Это был бы идеальный спутник, который вызвал бы зависть всех моих друзей благодаря той атмосфере уверенности и верности избранному пути (или избранной спутнице) которую он создавал вокруг себя. Верность была его, зависть предназначалась мне.

Иногда ему звонили по сотовому телефону, и несколько раз я слышала, что говорил он по-английски. В чем я была абсолютно уверена, так это в том, что по телефону он ни разу не говорил с женщиной. Понятно, что я имею в виду близкую женщину.

Впрочем, он и не искал знакомств, а все время проводил, тщательно перебирая постромки и прочие ленточки и кольца парашютной амуниции. Наша группа подобралась насмешливая и скорая на усвоение и теоретических сведений, и практических навыков. Мы все с холодком ожидали первого свободного прыжка, шутили по этому поводу, и лишь он среди нас, зубоскалов, казался человеком, искренне заинтересованным в сохранении своей жизни.

Я первая подошла к нему и села на его парашют, рассчитывая, что такого нахальства он не сможет не заметить. Было это в день, когда мы должны были прыгнуть без страховки.

– Волнуешься? – спросил он, едва взглянув на меня из-под наклоненного лба.

Это простое слово показалось мне таким нежным и таким ... честным, что я тут же влюбилась в человека, произнесшего его спокойно и даже ласково. И, как в тумане, пошла на зов инструктора в самолет, не удосужившись спросить, как мой новый идеал зовут. Среди всех наших дурацких анекдотов по поводу парашютистов и опасности его простой вопрос олицетворял нечто твердое, как земля, на которую нам предстояло опуститься.

Наше веселье нас всех и подвело, исчезло, как исчезает под водой резиновый надувной матрас, когда на него взбирается целая толпа народу. Каждый подошел к открытому люку и посмотрел вниз, а потом вернулся на свое место на скамейке подумать и решиться. Инструктор глянул на нас и предложил еще раз прыгнуть с тросом. Все закивали головами, не в силах произнести предательское «да», и лишь не бедный консерватор, уже любимый мною, не согласился.

– Не будем менять программу, – произнес он так сухо, что мне захотелось прокашляться, и встал перед люком, со спины похожий на сгорбившегося пингвина, увидевшего где-то внизу привлекательную рыбку. Я закрыла глаза, а когда снова открыла их, в люке было только синее небо, плоское, как лист бумаги.

Мы все попрыгали на страховочных тросах, а когда собрались толпой на поле и занялись укладыванием парашютов, я, закончив возню с непослушным куполом, первым делом направилась к предмету своей разгорающейся страсти, чтобы

поздравить. Боюсь только, что мое неторопливое – на мой взгляд – приближение со стороны могло показаться стремительным бегом.

– Что-нибудь случилось? – спросил он, вставая со скамейки мне навстречу.

Я надеялась, что безумный взор, которым я обшаривала его бледное утонченное лицо, сказала ему достаточно об охвативших меня чувствах. Но он ничего не понял, или не подал виду, что понял, и переспросил, отчего я так взволнована.

– Опаздываю! – отчаянно соврала я и опустила глаза, как будто случайно сорвала еще не распустившийся цветок в присутствии садовника, который этот цветок выращивал целый год.

Он посмотрел на меня немного более долгим и внимательным взглядом, как будто решал в уме арифметическую задачу на предмет сложения двух функций, одной из которых была взбалмошенная девица неопределенного рода занятий, но вполне определенных и привлекательных форм перед ним, а другой был он сам со своим телефоном и с массой пустого места в «мондео». Потом он внезапно пожал плечами, наклонился и поднял мой упакованный парашют, который я, подбежав, бросила у ног.

– Я отвезу, – сказал он, распрямившись. И пошел сдавать парашюты, которые болтались в его руках, как два жирных ленивых пса. А я посеменила следом, на ходу придумывая,

куда, собственно, я опаздываю. До любого места, которое приходило мне в голову, мы могли доехать максимум за сорок минут. Сорока минут мне было мало. Времени до дня рождения тоже оставалось немного.

К счастью, зазвонил мой собственный телефон. Поэтому, когда мы сели в его машину, я могла с чистой совестью сказать, что срочное свидание отменилось. Он вопросительно посмотрел на меня, и я, облизав губы, попросила отвезти к ближайшему «макдоналдсу».

– Это не самая лучшая еда, но все-таки быстрая и чистая, – оправдалась я за свой выбор, в душе предоставляя выбор ему.

– Знаешь, я тоже голоден, – произнес он с ударением на «голоден», и мы поехали.

Всю дорогу я млела от этих его четырех слов. Первое благодаря окончанию звучало мягко, как кошачья лапка, когда ласковая кошечка осторожно дотрагивается до вашей щиколотки. Кроме того, это все-таки было обращение ко мне. Первое слово, которым он утвердил мое присутствие рядом с собой. «Я» было произнесено негромко и быстро, что характерно для людей, полностью в себе уверенных и привыкших к уважению и исполнительности окружения. «Тоже» давало надежду на некоторую общность между нами, а «голоден», произнесенное горлом – с хрипотцой и скрытой яростью, могло таить в себе намек на что-то значительно большее, чем желание съесть кусок колбасы, зажатый между дву-

мя булками. Мое сердце забилося еще быстрее, когда он сказал, что его зовут Григорий. Если человек с таким именем попадает в новый «мондео» как хозяин, то он — хозяин не только автомобиля. Он может оказаться хозяином жизни вообще. И моей в частности.

Ехал он быстро, из всех рядов предпочитая два крайних левых — на своей и встречной полосах, но не нагло, ни разу не надавив на гудок, требуя уступить дорогу. Мы лишь опасно приближались к идущим впереди машинам, которые сами отваливались вправо, как борозды земли от ножа бульдозера.

Я спросила, что он думает про «гаишников» и про статистику, которая утверждает, что средняя скорость в городе при любом стиле езды всего лишь сорок, и что пять минут, на которые мы раньше приедем, ничего не решают в жизни.

— Пять минут действительно ничего не решают, — ответил Григорий, — но важны не они. Важен именно стиль езды, который отражает стиль жизни. Это то же самое, что прыгать с парашютом — полезно при депрессии. Когда приземляешься, все беды кажутся мелкими и ничтожными, а жизнь, любая жизнь такой желанной. А «гаишники»? Так это их жизнь, как у волков, которые гонятся за лосем, пытаясь перекусить ему жилы на ногах.

В этом была уже философия, и я решила благоразумно промолчать. Тем более, что мы уже подъехали к ресторану, о существовании которого я даже не подозревала, хотя некото-

рое время назад специально штудировала названия и адреса самых дорогих мест, чтобы иметь возможность хоть немного озадачить мужчину, который так предательски меня бросил.

Мы сели за столик, как и все остальные, огороженный невысоким деревянным барьерчиком. Григорий спросил, что я буду есть – мясо или рыбу, и, получив ответ, сделал заказ, даже не заглянув в меню.

– Я знаю, что здесь прилично готовят, – сказал он и попросил официанта принести martini мне и виноградного сока себе.

– Чтобы не скучно было ждать, – пояснил он.

В течение всего обеда я пила какое-то необычное красное калифорнийское вино, которое в конце концов ударило мне в голову и вызвало прилив крови к ушам. Григорий периодически наполнял мой бокал, а сам пил сок, умело ведя беседу и, как мне казалось, тактично подводя нашу встречу к логическому завершению, то есть к продолжению отношений. Время от времени я ловила себя на том, что перестаю видеть окружающую обстановку, а представляю, как он прижимает меня к себе, целует, ведет куда-то за руку и опускает на что-то мягкое. Влюбляться так быстро и так бесповоротно мне еще не приходилось.

Я уже знала, что он свободен. Но один вопрос не давал мне покоя: я заметила, что на его загорелой руке еще отчетливо виден след от обручального кольца. Когда мы наелись и отодвинули тарелки на край стола, я набралась храбрости,

взяла его за руку и спросила, почему на пальце остался всего лишь след, а не само кольцо.

Я предполагала, что мужчины в таких ситуациях отделиваются шуткой или говорят какую-нибудь глупость, вроде «неизбежная ошибка» или что-то в этом роде. Но Григорий... Он откинулся на спинку кресла, достал сигарету, закурил и ответил просто, как будто подсказал школьнику младших классов ответ на вопрос, сколько будет дважды два.

– Месяц назад кольцо было на своем месте, а я был женат. Впрочем, я и сейчас считаю себя таковым, так как любил, люблю и, вероятно, всегда буду любить эту женщину, которую я потерял – во многом по своей вине.

Он усмехнулся и продолжил:

– Неважно, как именно, но потерял, хотя и надеюсь, и рассчитываю на ее возвращение. Когда это случится, кольцо тоже вернется. Обстоятельства сложились таким образом, что я позволил себе быть недостаточно внимательным мужем. Дела тоже требуют внимания. Она этого не поняла, испугалась и запаниковала. А вздыбленную лошадь осаживает и успокаивает не всегда тот, кто имеет на это право, а часто тот, кто случайно оказался рядом. В моем случае получилось именно так.

Григорий замолчал, и я тоже испугалась повисшей над столом тишины. Но вопрос мой прозвучал жалобно, как скрип качелей, с которых соскочил убегающий от зова родителей ребенок.

– А любовь? – спросила я.

– Самое удивительное открытие в своей жизни, которое я сделал, заключается в том, что для того, чтобы вызвать любовь в ком-то, мало любить этого человека самому. Нужно уметь, или иметь что-то еще. А вот что? Это вопрос.

Григорий затушил в пепельнице недокуренную сигарету, помолчал, наклонив голову, и вдруг резко поднял ее, взглянув на меня ясными глазами, которые, между прочим, оказались серыми с зеленоватым оттенком, как у дьявола.

– Я вызвал его на дуэль.

– Что!? – воскликнула я.

– Просто вызвал на дуэль. На автомобилях. Я приехал и предложил ему выехать ночью, когда никто не мешает, на прямой и ровный участок мурманского шоссе, разогнаться навстречу друг другу и ехать. Чтобы посмотреть, кто свернет. Я думал, что способность расстаться с жизнью или покалечиться ради женщины что-то будет значить для нее.

Я попыталась представить, как это все могло происходить. Мой собственный водительский опыт позволял понимать, что резкий уход в сторону на скорости, которую подобные соперники могли позволить себе на своих хоть и не самых плохих автомобилях, на февральском ледке тоже был чреват заносом и приземлением в кювете.

– А на какой ты был машине? – вежливо поинтересовалась я.

– Машина все та же, на какой мы и сюда приехали. Я про-

летел прямо и очень долго тормозил. Свернул, хотя и в самый последний момент, другой. Тот, к которому ушла жена.

– Так она все-таки ушла? – я неподдельно удивилась.

– Да. Более того, она была с ним в его автомобиле, когда мы ехали друг на друга. Они приехали вместе. Я, честно говоря, думал, что она осталась там, откуда он стартовал. Ночью было не видно. Я потом жутко «надрался» именно в этом ресторанчике.

– Мы уже закончили обедать. Григорий расплатился, мы поднялись и направились к выходу. В дверях я обернулась к нему и спросила, почему он все еще ждет ее.

– Иллюзия, с которой не хочется расставаться. А может, я просто еще не протрезвел.

Произнося эти слова, он сдвинул брови и посмотрел на переднее левое колесо автомобиля. Я стояла рядом, ожидая, когда он откроет мне дверцу.

Безусловно, он отвез меня до моего дома, причем ни разу не ошибся, опуская ладонь на рычаг переключения передач, а не на мое колено. Вышел из машины, открыл дверцу и подал мне руку, помогая выйти.

Калифорнийское вино продолжало бродить по извилинам моего мозга. Поэтому я позволила себе довольно фамильярно облокотиться на его руку и спросить, уставив свои карие глаза в его серые.

– Тебе было тяжело? И сейчас тяжело?

– Зато я научился прыгать с парашютом, – он отвел свою

руку и легонько подтолкнул меня к дому. И уехал, даже не спросив номера телефона и не посмотрев, в какой подъезд я войду. Вот так мы и расстались.

И вы можете верить, а можете не верить, но на день рождения подруги я все-таки пойду с ним. Я узнала в клубе его телефон, позвонила и честно рассказала, что меня предательски бросили, что я тоже научилась прыгать без страховки, что мужики на дне рождения будут просто неприличные, а приходить одной стыдно, что он поразил меня своей историей, но эта история не повод, чтобы оказаться в его постели, и что, если он попытается истолковать это приглашение как предоставление прав на меня, я просто воткну ему нож под ребра.

На мою скромную просьбу быть моим спутником он ответил: «Хорошо». И теперь у меня еще есть один день, чтобы узнать, как это – втыкать нож под ребра.

УРОК МИЛОСЕРДИЯ

Мария Дмитриевна Парфенова, двадцатидевятилетняя учительница литературы в старших классах, которую все остальные преподаватели из-за ее тонкой фигурки и максималистского характера продолжали называть Машенькой, не подошла, а подлетела к двери директорского кабинета. Душевные мучения, которые она испытывала целый день, грозили разорвать ее изнутри, так что она распахнула дверь и вошла в кабинет без стука, с решительно сжатыми губами и со сжатыми же и поднятыми к груди кулачками. В черных глазах ее полыхали мрак и негодование.

– Что с вами, Машенька – спросил ее директор, лишь незначительным шевелением крупного тела обозначивший свое желание привстать ей навстречу. Голос у директора был усталым, бесцветные губы на мясистом лице подергивались, и по напряженному взгляду можно было понять, что дел у него много, очень много, и что все это именно те дела, которые не укладываются и в самый длинный майский день, и, в общем, совсем невыполнимы. Директор сидел за столом лицом к двери, положив ладони на «Учительскую газету». Из-под газеты торчал уголок конверта, заключавшего в себе письмо от школьного товарища, ныне достигшего немалого министерского поста.

– Андрей Николаевич! Можно посоветоваться?

– Почему же нет? – директор пошевелил пухлыми пальцами, чуть поглубевшими от постоянного соприкосновения с мелом, и с вспыхнувшим, но моментально померкнувшим любопытством, взглянул на молодую учительницу.

– В чем же заключается роль и назначение школы? Показывать, или указывать? Советовать, или настаивать? – заговорил он, пока Мария Дмитриевна пододвигала стул и садилась с другой стороны стола.

– Указывать и настаивать, но показывая и советуя, – чуть подумав, ответила учительница.

– А теперь еще приходится и защищать от семьи, – Андрей Николаевич пододвинул к ней газету.

– Вот! Отец до смерти забил сына. Наказывал!

Мария Дмитриевна прочитала жирный заголовок: «150 ударов отцовского ремня». Она вздохнула.

– Да. Именно об этом я и хотела поговорить. Речь идет о Наде Николаевой. Она в больнице. Диагноз подтвердился.

Лоб Андрея Николаевича перерезала глубокая морщина.

– СПИД? – спросил он.

– Да, – тихо и печально произнесла Мария Дмитриевна, – Заразилась через шприц. Говорит, что первый раз попробовала, что ее никто не заставлял, и вот, так не повезло.

– Что никто не заставлял – вполне может оказаться правдой. Все равно не проверить. Впрочем, когда они говорят, что их заставили «взрослые дяди», так это ведь ложь для самозащиты, чтоб пожалели. А эта... Смелая... Дура!

Последние слова он произнес сквозь зубы, так что Мария Дмитриевна подумала, что ослышалась.

– Но не это самое ужасное. Беда в том, что ее семья от нее отказывается.

Директор откинулся на спинку стула и прикрыл глаза.

– Как так?

– Просто. Говорят, не дочь она им теперь. В больницу не ходят. Ничего не передают. Она одна там. Похудела, глаза ввалились. Молчит, ни с кем не разговаривает.

– Я схожу к ним, – Андрей Николаевич потянулся к перекидному календарю, полистал его, и добавил:

– Послезавтра.

– Не нужно, Андрей Николаевич. Бесполезно. Там приют, каждый день пьют. Тем более, вы же сами сказали, что мы, то есть школа, теперь и от семьи должны защищать.

– Да, в таких вот случаях. Так что вы предлагаете? Вы же с идеями пришли?

– Конечно, Андрей Дмитриевич. Я хочу помочь ей через одноклассников. Чтобы они ее не бросили, ходили бы в больницу, помогали.

– А они что, раньше ни о чем не знали? Или кто-то из класса с ней дозой и поделился? Или, может быть, продал?

Директор помолчал, потом поморщился:

– У нее, кажется, друг был?

– Надеюсь, не только был, но и остался. Это Артем Шувов. Такой высокий, крепкий. Предводительствует всей мо-

тоциклетной компанией. Но он от всего отказывается. Говорит, что шприцов ни разу в жизни не видел. Но в больницу один раз приходил.

– Он, может, и не видел, если не смотрел. Чушка чугуная... с сусальной позолотой. Курит, как все отличники, – директор сцепил пальцы в замок и уставился на них неподвижным взглядом.

А Машенькино личико вдруг покрылось румянцем, и она сказала, четко выговаривая каждое слово:

– Я решила провести у них «Урок милосердия» и прошу разрешить сделать это завтра вместо обычной темы по программе.

– А какая тема по программе, – спросил Андрей Николаевич, но тут же махнул рукой:

– Какая, впрочем, разница! Это вы хорошо придумали. Но о чем вы будете говорить?

– О литературе, конечно, о героях, об авторах.

– Хорошо, – подвел итог разговору директор и добавил вслед вспорхнувшей к дверям Машеньке:

– Только оденьтесь, наверное, построже. Очень ответственный урок.

– И я знаю, с чего начну, – весело прокричала Мария Дмитриевна уже из дверей, – с Пушкина. С «и милость к падшим призывал».

На следующий день Мария Дмитриевна появилась в шко-

ле в измененном обличье. Ее стройная фигура в плотно облегающем сером костюме и белой блузке произвела впечатление, будто со всех окон посрывали пыльные шторы, и в классах, и в коридорах стало значительно солнечнее.

– Смотрю на нее как на первую смелую ласточку, вылетевшую после грозы, – сказал пожилой учитель географии, а его собеседник – моложавый учитель физкультуры, просто отвел заблестевшие глаза.

Сама Мария Дмитриевна в этот день встала раньше обычного и очень много потрудилась над прической и макияжем, так, что школьной простоты, этакой философской незавершенности облика, в ней совсем не осталось. Такой совершенной свежей красотой, которую Мария Дмитриевна приобрела после утренних трудов над собой, женщина может блистать только один раз в жизни – в день замужества. Для Марии Дмитриевны день «Урока милосердия» был столь же значительным, точнее, неизведанно значительным, так как замужем она она еще не была.

В учительской она улыбалась весело и пленительно, сияла и шутиливо «отбрыкивалась» от всех попыток коллег угадать причину столь разительных изменений. Она боялась только одного, что вдохновение, которым она жила последние дни, заведет ее слишком далеко в неизведанное.

Примерно об этом говорил с ней и Андрей Николаевич, остановивший Марию Дмитриевну в коридоре и предложивший ей зайти в пустой класс.

– Вы знаете, Мария Дмитриевна, успех педагога основан на методологии. Почти как политика, только цель, пожалуй, иная. Ни в коем случае нельзя, чтобы ученик увидел блеск в глазах преподавателя, так как вдохновение – это страсть, а страсть скоротечна и делает человека беззащитным перед невежеством, которое, увы, вечно и, дважды увы, свойственно молодости. Ученик обычно сопротивляется, но его способ борьбы – выжидательная партизанская война и глухая оборона. Ученик, который вскакивает на стол и кричит, что вы не правы – это ваш ученик. Завтра он будет знать ваш урок наизусть. Но для этого вашего огня должно хватить больше, чем на один урок. Вы должны еще учить детей этого ученика и детей тех детей. К сожалению, обычные наши программы не предусматривают уроков нравственности, подобный тому, который вы задумали. А наша собственная жизнь неизвестна ученикам и поэтому, надеюсь, только поэтому, не может быть им примером. На вашем уроке вы должны быть очень внимательны. У вас нет времени, чтобы победить их хитростью. Вы также не должны сгореть на их глазах. Но я не могу дать вам никакого метода.

– Я справлюсь. Они же должны понимать, что каждому может понадобиться чужое участие, – ответила Мария Дмитриевна.

– Вы никогда не совершали обгон по встречной полосе перед крутым поворотом, – вдруг спросил Андрей Николаевич, внимательно глядя ей в глаза.

– Нет, – пожала плечами Мария Дмитриевна, – я вообще не вожу машину.

Андрей Николаевич покачал головой, посмотрел на наручные часы и поднял указательный палец.

Зазвенел звонок.

Немножечко обеспокоенная печальной речью директора Мария Дмитриевна вошла в класс и, как обычно, приветливо улыбнулась. На миг ей пришлось задержаться возле дверей, в прямоугольнике нестерпимо яркого солнечного света, падавшего сквозь окно. Этот свет резал глаза, но и сквозь прищуренные веки Мария Дмитриевна видела сорок лиц перед собой и ровно в два раза больше внимательных глаз, распахнутых перед ней, как поднятая выстрелом с поля грачиная стая.

Отвернувшись от прямого света, Мария Дмитриевна подошла к доске, возле которой привычно пахло мелом и мокрой тряпкой, и повернулась к ученикам спиной.

Тут же по классу прокатился легкий шепоток, но Мария Дмитриевна сдержалась и не повернула головы, а лишь подумала, не слишком ли коротка у нее юбка. Только на слове «падшим» ее рука неожиданно замедлилась, чуть не поддавшись неожиданному соблазну написать иное: «павшим». Подчеркнув написанную фразу жирной чертой, она набрала в грудь побольше воздуха, и лишь тогда обратила к ученикам свое лицо, чувствуя, что очень многое хочет им сказать, но зная, что самое главное сказать должны они.

– Нам осталось мало времени провести вместе, – начала Мария Дмитриевна, внимательно вглядываясь в лица перед собой. Ученики сидели спокойно, как серые прибрежные камни во время штиля. Только один алый ротик сложился в цветочек, а бойкие глазки над ним скосились в сторону раскрытого окна.

– Да, Настенька! Ты бы и сейчас упорхнула бы, – подумала Мария Дмитриевна про эту девушку, и продолжила.

– И я хотела бы сегодня поговорить с вами и выслушать ваше мнение о том, что является предметом художественной литературы, и как она может влиять на жизнь людей. Когда-то мы с этого начали наше знакомство. Я надеюсь, что теперь, через несколько лет занятий, мы можем говорить об этом более ответственно.

Повисла тишина, которую нарушил звонкий удар по мячу во дворе, а после него уже закрипели стулья и зашелестели тетради. Это был обычный шум, перед тем, как ученики признаются в незнании ответа, но в этот раз ответ нашелся. Не ответ, конечно, а просто мнение, подслушанное, чужое, но пригодное для борьбы.

– Некоторые просвещенные умы, впрочем, принадлежавшие часто самим писателям, что позволяет подозревать определенную подтасовку результата, считали, что предметом художественной литературы является человек с точки зрения нравственности. А поскольку нравственность – понятие относительное, то эти люди истратили бумаги намного

больше, чем их коллеги – врачи и естествоиспытатели. Последних я с большим для них уважением хотел бы назвать естествоиспытателями.

Володя Усачев, очень уверенный в себе молодой человек в модных очках, из-под которых холодно и прямо смотрели на Марию Дмитриевну глаза юного банкира, произнес эти три предложения и захлопнул тетрадь перед собой, как будто считал вопрос закрытым.

Несколько дней спустя Мария Дмитриевна все еще вспоминала этот урок и проклинала себя за то, что попалась на такую нехитрую наживку: «нравственность понятие относительное». Но именно эти слова неповоротливого во всех случаях, когда дело не касалось шахмат, математики или финансов Усачева, мгновенно заставили вспыхнуть Марию Дмитриевну и вступить в дискуссию, если, конечно, произошедшее можно назвать дискуссией.

Большинство учеников в это время смотрели в сторону говорившего Усачева. Чтобы привлечь их внимание, Мария Дмитриевна спросила его, в чем именно заключается относительность нравственности, ожидая услышать в ответ набор цитат из Альберта Камю.

– Только в позиции тех, кто о ней говорит, – подумав, ответил Усачев. – Сытые и голодные, нормальные и голубые. С точки зрения физиологии голубой – больной человек, животное, не пригодное к размножению. А с точки зрения современной бесполой морали – пусть живет и участвует в вы-

борах, по сути, в том же отборе. Голодный опять же лучше работает, а сытый спит крепче, и во сне его легче убить. А мы все переживаем, что в Африке дети голодают. Эта Африка нас и съест, когда проголодается. Нас – я имею в виду Европу.

Ученики одобрительно загудели, и чем дольше молчала Мария Дмитриевна, тем громче становилось это гудение.

– Верно, – сказала Мария Дмитриевна, улыбнувшись. И улыбнулась еще раз, увидев, что Усачев удивленно нахмурился, а сидящий через несколько голов за ним Артем Шутов наконец-то поднял голову и посмотрел в затылок Усачеву своими серо-зелеными, наглыми глазами. «С такими глазами можно только родиться. Это как врожденный порок сердца» – подумала Мария Дмитриевна про Артема, про Наденьку и всех других девушек, которых молва связывала с его именем.

– Верно, – повторила она и добавила, – это верно, как и то, что существуют пороки, безусловно осуждаемые всеми, во все времена.

– Если вы имеете в виду воровство, проституцию, убийства, ложь и прочее, то и с этим можно поспорить.

– Нет! – ответила Мария Дмитриевна Усачеву, но не глядя на Усачева. – Я говорю о тех случаях, когда подобные отвергают себе подобных.

Усачев задумался и рассудительно произнес, что не много примеров этому можно найти в школьном курсе литературы.

– Об этом поговорим чуть позже. А сейчас давайте вспомним самые яркие примеры участия одних людей в судьбах других, – обратилась Мария Дмитриевна ко всем ученикам.

– Соня Мармеладова, – сказал кто-то.

– Катюша Маслова, – донеслось из угла.

– Дед Мазай и зайцы, – крикнул Усачев и завертел головой, чтобы удостовериться в улыбках одноклассников.

– Ну, ты еще про дядю Степу скажи, – сердито прошептала в его сторону Настя.

Мария Дмитриевна с трудом подавила в себе желание заткнуть уши руками, чтобы не слышать этих уродливых слов.

Она подняла руку и так властно, как только могла, произнесла:

– Не надо кощунствовать!

У нее получилось. Шум стих, но...

– Роман Раскольников убил старуху, которая дала ему деньги, – громко и внятно произнес Артем.

Свои руки он держал под столом, и выражение лица у него было задумчивым и надменным, как будто он примерял себя на место Раскольникова, а под столом у него был спрятан топор.

– Ну, уж и участие! – повернулась и к нему Настя.

– А почему нет? – воскликнул Усачев, – он просто ускорил естественный ход вещей.

Мария Дмитриевна отошла к доске и написала крупными буквами «Милосердие».

– Разве можно так легко говорить о жизни и смерти, – спросила она, прислушиваясь к холодку в своем сердце. От улыбок этих детей веяло могильным ужасом.

– Сначала трудно, потом легко, – Усачев виновато пожал плечами.

– Что означает это слово? – Мария Дмитриевна слегка прижалась к доске плечом, загадочно закусив нижнюю губку. Она почему-то решила, что сейчас самое время было немножго позаигрывать с учениками.

– Делать то, что мило сердцу, – сказал Усачев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.